

Родина или смерть

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Родина или смерть РОДИНА ИЛИ СМЕРТЬ

В общем, спрашивать не с кого —
разгребать доведется самой.
Жизнь спиной Достоевского
в подворотне мелькнула сквозной.

И застряла в бомжатнике,
где, надежду послав далеко,
сепараты и ватники
забивают «козла» под пивко.

Темень хрусткую комкая,
намывая сугроб на углу,
крупка сыплется колкая.
Примерзают костяшки к столу.

Митрич, Шурка безбашенный,
что к сеструхе забрел на постой,
Ленька с мордой расквашенной,
Витька Череп из двадцать шестой.

Не стерпев безобразия
и шального боясь топора,
полукровка Евразия
отрыгнула их в зону двора.

Им, с ухмылками аццкими
прочесавшим Афган и Чечню,
черно-белыми цацками
в этот раз не позволят — вничью.

И — сквозь драное кружевце
лип заснеженных — стол дармовой
продирается, кружится,

ввысь четверку влача по кривой.

То сбивает впритирочку,
то мотает попарно в пурге.
И у каждого бирочку
треплет ветер на левой ноге.

* * *

Если страх, – какого тебе врача?
Это снега тающие пласты,
с крыш на землю валятся, грохоча,
а совсем не то, что подумал ты.

Был сметлив, как рысь, и здоров, как лось.
Нахлебался бед, но не лег под них.
Все чего боялся, уже сбылось:
ты за каждый вдох получил под дых.

А теперь трясешься, держа в уме,
что молчать – безбожно, кричать – нельзя.
И когда шутихи трещат во тьме,
ты мычишь, к несущей стене ползя,

что пришел обещанный тохтамыш
разнести хибару, где ты живешь,
в щель забившись, как полевая мышь,
или в складку, как платяная вошь.

• ШЕСТВИЕ

Если тебе велят – влево, а ты направо
топаешь в аккурат, –
не сомневайся, брат, это еще не слава
и не свобода, брат.

Правду ори свою рэпом или былинным
слогом, но посмотри:
ты все равно в строю, непоправимо длинном,
ровного рва внутри.

Вот и гадай, как лох: пафос, а может, лепет?
Прятаться или сметь?
Гиппиус или Блок? Быков или Прилепин?
Родина или смерть?

Вверить спешат толпу ратники и сиротки –
всяк своему божку.
Хуже всего тому, кто семенит в середке,
в плечи втянув башку.

С кем ты, – спеша, скользя? – мне за тебя тревожно.
В тот ли вписался ряд?
Притормозить нельзя. Выбраться невозможно.
Разве что – в небо, брат.

* * *

Говорит приемыш, пасынок, лишний рот:
«Ладно, я – урод, нахлебник, дурное семя,
но сарай твой скреб и вскапывал огород,
а когда повальный, помнишь, был недород,
я баланду хлебал со всеми.

Я слепым щеглом в твои залетал силки,
на твоём крючке висел лупоглазым карпом.
А когда по ребрам били твои сынки,
я в ментовку на них не капал.

Кто тебя тащил, когда ты была пьяна,
избавлял от вшей, от пуль заслонял спиною?
Что же ты меня выталкиваешь, страна,
и отхаркиваешься мною?»

А она в ответ: «Ты воду, манкурт, вари
из другой страны, что, пасынкам потакая,
согласится слушать все эти: «твой», «твои»,
не кривясь беззгиливо. Что ты застыл? Вали,
если есть на земле такая».

* * *

Видно, здорово напился, убаюкивая дух,
коль не хипстера на пирсе видишь ты, а сразу двух.
Это прям какой-то Пратчетт. Клацнув дверцами тойот,
глупый хипстер робко прячет, умный – смело достает,
чтоб, торча в чужой палатке с гордой надписью «Надым»,
ты ловил ноздрями сладкий электронной цацки дым.
Не впервой курить вприглядку бездоходному тебе,
на челе сгоняя в складку мысль о классовой борьбе.
Не впервой слезой давиться пересекшему Сиваш.
Все плывет, и все двоится: крымненаш и крымневаш.
И маячат беспартейно – между миром и войной –
цвета местного портвейна два светила над волной.
Ты и сам давно раздвоен: у тебя внутри мятеж,
перестрелка, смута, зрада, разоренная страна,
где один – Аника-воин, а другой – А ну-ка врежь,
и обоим вам не надо ни победы, ни хрена.
Потому что в этом гуле, продолжающем расти,
ты боишься, но не пули – страшно резкость навести
на окрестность, где отсрочка от войны лишает прав,
и никчемный одиночка видит, голову задрав,
как меж бездною и бездной, рассекая темноту,
хипстер движется небесный с огнеметом на борту.

• ПОЕЗД

И, вертясь, трясет нечесаной головой,
и сопит, с часами блеклый пейзаж сверяя.
Наш состав по водам движется, как живой.
Хлороформом пахнет наволочка сырая.

Всех достал, трещотка (вот уж не повезло!):
мол, стекло в подтеках, чай не разносят утром;
чем лечить подагру; кто изобрел весло,
москалям сейчас вольготнее или украм.

Выясняет нудно: вторник или среда?

То ли он, хлебнув, куражится, то ли бредит.
А еще все время спрашивает: куда
этот поезд едет?

Но уже глупца назначил своим врагом
с верхней полки дядька. И настучал на «гада».
— Вы его куда — с вещами? — В другой вагон.
Проводник суров: «Постель не бери. Не надо».

Тут законы круты: если чужак — свали.
В коридоре — пусто. Шторки раздвинешь — голо.
Но все глубже, глубже — в сумрачные слои —
проникает поезд из одного вагона,

заливая светом логово темноты,
где цветут, кренясь, медуз голубые маки,
где, со дна поднявшись, ляхи и гайдамаки
подплывают к нам, как рыбы, разинув рты.

* * *

Юность одержима, как мятеж.
Всё в пандан — бандана, балаклава,
всё зачтется, чем себя ни тешь:
свергнутый родительный падеж,
смертью перекормленная слава,
бытие, обернутое в трэш.

Пуля — дура. Комп с разбитым ртом.
Врассыпную — треть клавиатуры.
Шрам зарубцевался на плече.
Под штормовкой — маечка с принтом
Че Гевары или Че Петлюры —
не имеет, собственно, значе...

— Что трясешься? Хватит — о тепле.
Я вчера — пошарь, короче, в сумке —
стырил в супермаркете коньяк.
Мяч у нас. Оле-оле-оле!

Если окружили эти суки,
есть, чем отстреляться, на крайняк.

Нам придется встать спиной к спине.
С тылом в этот раз не подфартило.
Гребаный не сбылся Голливуд.
Ты чего, чувак, повис на мне?
Как всегда, патронов не хватило.
Хоть сказал бы, как тебя зовут.

* * *

Осень сошла с лица краской, читай: красой.
Жизнь выпрямляется встречною полосой.
Побоку – ясень, лох, дрок, облысевший злак.
Облака бледный клок. Четкость разметки. Знак.
Гаснущей вотчине побоку ярмарки,
где на обочине – ведрами – яблоки.
Между таможен двух – пост, автомат, затвор –
с телом нарушил дух временный договор.
Тело – вперед и сквозь: паспорт-контроль-стена.
Дух – возвращает в гроздь юную злость вина,
кость облекает в плоть, путь обращает вспять,
то, что не побороть, силится отмотать,
чтоб меж запретных зон, между таможен двух –
май, комариный звон, кроны зеленый пух,
чертополох в росе, новости без войны,
стол, за которым все счастливо влюблены...
Тело, пройдя посты, прыгнет в экспресс ночной,
духу махнув: «Прости, кровник невыездной!
Вряд ли тебя, лопух, где-нибудь хватятся».
Между таможен двух яблоки катятся.

* * *

А куда они все идут
по хрустящим скорлупкам льда,
вразнобой, невзирая на?

Ветром выцветший флаг надут.
Впереди – большая вода.
Позади – большая война.

Тетки в пуховиках, в платках,
с мелкотой своей на руках;
слева – хмурые мужики
в черных шапочках до бровей;
шлюхи, ультрасы, а правей –
кришнаитов цветут жарки.

Радикалы, прорвав конвой,
жмутся с кружками к полевой
кухне: спирт разливает босс.
Кто здесь мертвый, а кто живой?
Дробно цокая, по кривой
санитарный ползет обоз,

где смурной стережет связник
то ли коконы, то ль тюки,
не оставленные врагу.
И, выпрастывая из них
шеи, жмурятся старики,
повторяя: «Агу, агу».

Об авторе: ИРИНА ЕВСА

Поэт, переводчик, составитель множества книг и антологий. Автор тринадцати поэтических книг. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Октябрь», «Радуга», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Человек на земле», в альманахах «Стрелец», «Союз Писателей», «Новый Берег», в различных сборниках и антологиях. Лауреат премии Международного фонда памяти Б.Чичибабина, премии «Народное признание», конкурса «Литературный герой», премии журнала «Звезда», премии Н. Ушакова. За книгу стихотворений «Трофейный пейзаж» награждена Международной литературной премией имени Великого князя Юрия

Долгорукого. Сборник стихотворений «Юго-Восток» (изд-во «Арт Хаус медиа») в «) в 2016-м году стал победителем конкурсов «Русская Премия» и «Волошинская Премия», в 2018-м – обладателем Специальной Премии «Московский Счет». Живет в Харькове. Goşgular